

СЕССИЯ

Ржака полная!

Марат Арнис

16+

Марат Арнис

Сессия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39482341
SelfPub; 2019*

Аннотация

Приключения группы студентов факультета журналистики во время сессии в Санкт-Петербурге. Трудности и перипетии студенческой жизни и первые шаги в профессии. Взгляд изнутри.

Содержание

Начало. Философия	4
Фотодело	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Начало. Философия

И тогда он сказал:

– Я знаю больше остальных, потому что знаю, что не знаю многого. А ведь, если бы я этого не знал, откуда бы я знал, что чего-то не знаю? Ведь это многое для начала нужно знать, чтобы его не знать. В противном случае я бы знал, что знаю все, на самом деле не зная ничего!

– Боже, чего он там не знает? – с искаженным лицом повернулась ко мне моя однокурсница и еле сдержала слезу. – О чем он говорит? Я ничего не понимаю! Что я пишу уже два часа? Может я дура? Почему он учит нас тому, что он чего-то не знает? И еще гордится этим!

– Простите, вы что-то не поняли? – заметив, что мы болтаем, прервался преподаватель философии. – Нет? Тогда записывайте. Все, что вы мыслите, не может быть мыслью, ибо мысль – вещь в себе и абстрактна, пока вы её не заключите в мысленную форму! Поэтому, если вы плохо мыслите, лучше не мыслите, а просто думайте.

Эти слова педагога оказались последней каплей на весах отчаяния студентки 4-го курса факультета журналистики одного из петербургских вузов. Философские умозаключения без остатка растворились в тумане сознания учащейся, которая с детства привыкла понимать все, что ей говорили её деревенские учителя. И в её голове никак не укладывалось

то, что все её мысли не могут быть мыслями, но при этом она должна без этих мыслей умудряться думать и даже знать, что ничего не может знать, потому что учитель сам ничего не знает и этим гордится. Она опустила голову на парту, побагровела и расплакалась. Так началась очередная сессия заочного отделения, на которую в очередной раз съехались студенты со всех уголков обширного русского государства.

Публика на факультете была самая разношерстная. Об этом можно было судить хотя бы по нашей маленькой компании, которая успела сдружиться за предыдущие курсы. В неё входил вечно бедный аппаратчик по насасыванию диафрагм металлопрокатного завода из Поволжья сорокалетний Александр. Аниматор ритуальных услуг из поселка Сланцы, Ленинградской области, Никита. Юная девушка Роза из Ижевска. Финн Максим Ихотайнен из Эстонии. Серега Пальцев из деревни Заноги, Псковской области. И я – петербургский интеллигент Селиверстов Петр Германович.

Первые дни учебы, как всегда, протекали в обмене новостями, накопившимися за полгода разлуки. А также в вычислении одногруппников, которых мы к этому семестру потеряли. В просторной аудитории перед первым занятием снова образовались островки студентов по интересам. Терабайты информации на огромной скорости летали по помещению, дабы успеть вылететь из одних голов и освоиться в других до прихода преподавателя. В духе кочевой студенческой жизни некоторые студенты под партами прятали тюки с вещами,

так как на занятия прибыли прямо с поезда. Один из них – наш Серега Пальцев. Важный парень, который всегда носил пиджак и галстук. При этом галстук всегда был, как будто пожеван заножской коровой, а костюм был усыпан катышками, измят и затаскан до блестящих пятен. Иногда под пиджак он надевал спортивные штаны, которые плавно переходили в остроносые черные туфли на каблуках. Часто из них пузырились почти белые шерстяные носки. Эта комбинация его гардероба смотрелась прямо-таки кричаще. Смелее его в дизайне одежды был только Ихолайнен. Долговязый, нескладный, худой блондин с голубыми глазами. Из-за нестандартных своих габаритов вся одежда была на нем короткая. Рукава пиджаков и рубашек сантиметров пять не дотягивали до запястий. А длина брюк позволяла прочитать «Adidas» на верхних краях его носков. Брюки и туфли он предпочитал носить черные, поэтому белые спортивные носки между ними смотрелись в этой композиции тоже очень смело, бросались в глаза. За это мы называли его иногда Майкл Джексон.

Ну, а в общем, модельный ряд костюмов, платьев, брюк и шляпочек в группе всегда соответствовал специфическим особенностям моды тех деревень и городов, откуда прибыли студенты.

Наша компания постепенно собиралась у моей парты.

– Оооо! Салют, Латвия! – приветствовали Заногги Прибалтику.

– Латвия немного западнее, я из Эстонии, – без обид, с

явным эстонским акцентом ответил Макс.

Почему-то всегда, когда речь была обращена к Ихолайне-ну, каждый студент считал своим долгом упомянуть его прибалтийские корни и обязательно вспомнить какой-нибудь анекдот про тамошних жителей.

– Слушай, Макс, а это правда, что девиз эстонской скорой помощи: «Время лечит!»? Ха-ха-ха, – разгоготался Серега, прикрывая желтые зубы пожеванным галстуком.

– Нет, не правда, – спокойно ответил эстонец, – думаю, это выдумки. Максим никогда ни на что не обижался. Он был очень умным и все шутки про Эстонию считал неизбежными спутниками своей жизни.

– Не, ну правда, Макс, – полушепотом, как шпион, продолжил Серега Пальцев, – а вы сами хоть знаете, что вы, ну это, что вас все считают тормознутттыми? – пародируя прибалтийский акцент, поинтересовался Серега. Максим основательно подумал и ответил. – Нет, не знаем!

– Ну, хватит, – вмешался неожиданно появившийся Никита, – ты лучше скажи, Серега, ты Пальцев ног или рук?

– Да ну тебя, – обижено протянул для приветствия руку Серега, – как поживаешь?

Они пожали друг другу руки. Потом Никита протянул руку мне.

– Здорово, Петруччо! Как поживает питерская интеллигенция? Говорят, ваш город настолько культурный, что даже голу́би над памятниками терпят.

Все засмеялись. Кто-то даже хрюкнул. Все посмотрели на Макса. Макс засмеялся и снова хрюкнул.

– Спасибо, живу, работаю, не покладая рук и ног, – ответил я.

– С приходом друга! – торжественно произнес Никита. – А где наш насасыватель диафрагм?

– Сашка что ли? Он приедет завтра. Я с ним созванивался, – отчитался Серега.

– А Роза? Кто-нибудь знает, почему её еще нет? – продолжал делать переключку Никита.

– Я здесь, – слышался её писклявый голос из-за моего плеча.

Очень смышленная девушка Роза была полноправным членом нашей гоп-команды лузеров. Её рассеянность затмевала все её интеллектуальные способности, и она, наравне с нами, каждую сессию боролась за свое место в университете. Это она придумала смеяться на парах, когда засмеётся преподаватель, чтобы не привлекать внимание. И зевать, пряча жвачку под языком, показывая, что во рту ничего нет, когда преподаватель начинает подозревать, что ты жуешь на его лекции. Правда однажды её выгнали из аудитории за то, что она часто зевала.

– Как дела Розенгрюншен? – радостно обнял её я.

– Да, нормульсон! Как вы, лузеры?

– Не лузеры, а аутсайдеры, – поправил Максим.

– Да какая разница, лишь бы ты учился хорошо! – засме-

ялась она. – Ну что, готовы порвать их всех, мальчики?

– Порвать? – удивился Ихолайнен.

– Да ну тебя, – не дал домыслить Максиму Серега и весело уселся на стол. – Ну что, братья по разуму, сессия началась?!

– Как могут люди быть братьями по тому, чего у них нет? – скромно пошутил я. – Ну, сказал бы хотя бы братья по несчастью.

– А я вообще сестра, а никакой не брат, – констатировала Роза. – Все! Закругляемся. Идет наш высший разум, давайте по местам.

– Здравствуйте, заочники, – раздался громкий голос преподавателя, и все сели.

– Встать! – вдруг крикнул он. – Вас что, не учили вставать, когда заходит преподаватель?! Безобразие! Отныне вы будете вставать каждый раз, когда я вхожу и выхожу! Понятно? – грозно осмотрел он аудиторию.

– Да, – покорно пророптала группа, поняв, что философия будет не самым легким предметом на курсе.

Преподавателей философии можно разделить на две категории. Одни рассказывают о ней, дают представление о предмете, обозначают какие-то ключевые аспекты и требуют от студентов академических знаний. Другие же приходят на лекцию тупо пофилософствовать. А что? Трибуна есть! Слушатели всегда в наличии! Особенно у таких философов, как наш. Аншлага на своих сеансах он добивался легко. Просто не допускал к экзамену за один пропуск. Кроме того, он

пугал студентов участием Сократа, а если это не действовало, грозил судьбой Сенеки. Однако наш курс выглядел бесстрашно в обоих случаях, так как просто не знал, что это за несчастные иностранные студенты.

В первый день секретариат удостоил нас всего одной парой, дав время приезжим обустроиться в общежитиях. Серега и Никита поселились вместе в одной общаге. И даже в одной комнате. Максим во время сессии всегда проживал у своего дяди, Роза – у тети. По окончании лекции мы своей компанией решили отметить начало сессии. В кафе.

Наш факультет находился в самом центре города. Поэтому весь путь до места назначения был похож на музейную анфиладу. Слева Кунсткамера. Справа Дворцовый мост. Прямо Ростральные колонны. За ними – бликующий золотом шпиль Петропавловской крепости. Бесконечная панорама красивейшей архитектуры мира, освещенная утренним солнцем, вдохновляла, предавала нам прекрасное настроение.

Мы дошли до перекрестка и нырнули в подземный переход. Там, увидев маленьких собачек в коробочках с надписью «помогите животным», Роза ринулась им помогать. Мне стоило больших усилий её остановить.

– Ты что, Роза! Никогда не слышала про коробочников? – взревел я.

– Нет.

– Животным ничего не достанется. Эти деньги заберут се-

бе люди. Они специально подбирают бездомную животину и используют её для вымогательства денег. Они их даже не кормят. А когда те умирают, выбрасывают их на помойку. Это общеизвестно! Коробочники! Их так и называют! Давая деньги, ты пособничаешь им. У вас в Ижевске разве такого нет?

– Но они такие несчастные, – простонала Роза.

– Это они специально такие лица делают, – заверил ее я.

– Кто? – Роза вытаращила глаза. – Собачки?

– Какие, блин, собачки! Коробочники!

– Да мне на них наплевать. Я про животных!

Буквально под руки я оттащил свою однокурсницу от попрошаек, и мы догнали остальных. В кафе мы долго изучали меню, в уме высчитывая примерную смету праздника, сопоставляя со своим бюджетом. Все мы были бедными студентами.

– Слушай, Петр, а что это за «Салат Витаминный», – шепотом поинтересовался у меня Серега.

– Это? – вмешался Никита. – Это смесь витаминки на блюдечке. Ну, знаешь, Дуовит, Компливит, Аскорбинка. Пилюлей двадцать, не больше, – с серьезным видом пошутил он.

– А-а! Нафиг нужно!

Все рассмеялись. Кто-то хрюкнул.

Потом нам принесли самые дешевые блюда, и мы принялись есть.

– Блин, представляете, – начал возбужденно Серега, – у меня вчера сестра родила. Только я был в поезде и не разобрал по телефону, мальчика или девочку. Теперь думаю, дядя я или тетя.

– Да какая разница, дорогой! Главное, на свет появился еще один человек! Это прекрасно, – по-женски радостно воскликнула Роза.

– А я думаю, детей заводить сегодня невыгодно, – с полным ртом, лениво возразил Никита.

– Тогда заведи поросят! Это выгодно, – сердито сказала Роза.

– Прошу вас, не спорьте, – в роли рефери выступил я, – лучше попросим Никиту продекламировать какое-нибудь свое новое стихотворение!

Все возбужденно захлопали. У Никитоса были самые необычные стихи в мире.

– Ну, хорошо! Как раз недавно сочинил пару четверостиший, – с гордостью проговорил Никитос. Все замолчали.

Проколота жвачка!

Порезанный нож!
Бедная черепашка,
Ей еще невдомек!

После паузы раздался взрыв смеха.

– Шедевр, ничего лиричней не встречал, – заявил я.

– Просто супер, – захолопала в ладони Роза.

Сергея просто улыбался. Максим начал переваривать информацию.

– А вот еще, – вдохновленный успехом продолжил Никита.

Гордый орел,
Словно панцирь об уши,
Ах, зачем же цветут
Этой осенью груши!

– Маяковский отдыхает, – смеясь, выдавил я.

Роза уже укатывалась под столом. Улыбка Сереги стала еще шире. Максим напрягся окончательно.

– Прости, а первое стихотворение, – задумчиво спросил он, – про жвачку... м-м-м... не до конца понял.

– Можно подумать, ты понял остальное, – ухахатываясь, сказала Роза.

– Понимаешь, – начал объяснять Никита, – я его сочинил, когда познакомился со своей девушкой! На меня как бы обрушилась муза.

– Да, и, похоже, совсем проломила крышу, – вставил Сергея.

– Не шути так, – возмутился Никита, – мы скоро поженемся. Она самая прекрасная женщина в Сланцах, – мечтательно вздохнул он.

– А что в ней такого, что тебя так поразило, – спросил я.

– О-о! – мысленно отправившись к любимой, произнес Никита. – У неё самые смешные подмышки в нашем районе! Обожаю!

– Хм... Любопытно, – как бы невзначай покосившись на свои подмышки, сказала Роза.

Остальные сделали то же самое. Кроме меня. Я знал, что подмышки – не самая красивая часть моего тела.

– Шутка, – сказал Никита, помолчал и добавил, – не в районе, а во всем городе!

Мы заржали как сумасшедшие.

– Если без шуток, просто влюбился и все, – уже серьезно сказал Никита.

– Ох, и творческие натуры! Никто вас не поймет, – успокоившись, резюмировала Роза. – Кстати о детях. У дочки моей питерской тети, у которой я всегда останавливаюсь, тоже родился ребенок! Только я, в отличие от Сереги, знаю какого пола. Мальчик. И я, независимо от этого, все равно остаюсь для него тетей.

– Поздравляю, – понимая, как трепетно относится к детям Роза, выпалил Максим.

– С чем? – недобро посмотрела на него Роза. – С моим переездом в ванну? Я же говорила, что живу с тетей, дядей, их сыном, внуком, дочерью и её мужем. В однокомнатной квартире. Все, мне крышка! Ребенок выдавил меня из семьи.

– Переезжай к нам в общагу, – предложил Серега.

– Видимо, так и придется сделать, – грустно констатировала Роза.

Тут в динамиках, развешанных по периметру помещения, запели Абба. После паузы Серега поднял кружку пива.

– А я тоже поэт, – торжественно произнес он. – Вот тока што сочинил стих про группу Абба!

Два мужик, два баба,
Шведский группа Абба!

Роза опять исчезла под столом. Впервые поняв смысл студенческой поэзии, засмеялся теперь и Максим.

– Я тебя умоляю, Серега, – устало сказал я. – Тем более, я где-то это уже слышал.

Часам к десяти мы уже напились пива так, что, когда шли к метро, оно плескалось во рту. Минут двадцать спустя, мы разъехались. Максим поехал к своему дяде. Я – домой в свою коммуналку. Роза с пацанами в общагу. Она решила не напрягать родственников поздним появлением и заночевала у ребят.

Утром её разбудил монотонный голос Сергея. Никиты в комнате не было. Серега сидел перед зеркалом и рассматривал свои прыщи. Этот процесс он сопровождал похмельными рассуждениями о своем имени.

– Сергей... что за имя, блин, дурацкое. Сер-гей! Гей, блин! Я же не ГЕЙ, черт возьми! Я нормальный пацан! Или

еще – Серый! Почему Серый? Не черный? Не оранжевый хотя бы или синий? Просто тупо серый! Лучше не придумаешь! Самый никакой цвет! А вот еще – Серёжка! Ну что за сережка, твою налево! Тогда уж сразу бы говорили бусы или клипсы, на фиг! Эй, смотрите, Бусы идет, ха-ха! А то Серёжка! А некоторые ваще говорят Серунчик! Уменьшительно-ласкательно, типа! Вот именно, ласкательно! Уж обласкали по полной! Никакой я не Серунчик. У меня вообще обмен веществ замедленный. Если кто и Серунчик, так это Никитос! Не вытащить его из туалета. Никитос! Блин, тоже не позавидуешь. Тоже, шандец, родители угадали! Никогда ему президентом не стать! Вы хоть одного президента по имени Никитос знаете? Или можете представить? Не-а? Я вот тоже. Не стать тебе президентом, слышишь, Никитос?! – крикнул он в сторону туалета, где уже больше получаса торчал Никита.

– Чего? – послышался оттуда голос Никиты.

– Во, во! Нельзя тебе президентом! Серунчик, блин! А то проср...шь всю страну! И будем мы в попе жить вечно!

– Дурак ты, Сергей, и не лечишься, – вмешалась в его размышления Роза. – Сергей – прекрасное имя. Сергей Есенин! Слышишь, как звучит?! А в Италии тебя бы называли Серджио! А в Испании – Серхио! Красота, да и только, – представила себе испанских мачо Роза. – А президентом Никита, кстати, был один. Не совсем президентом, ну почти! Никита Хрущев! Помнишь такого?

В этот момент Никита в туалете уже поставил на кафельный пол исчитанный баллончик освежителя воздуха и собирался выйти. В глазах у него все еще стояли мелкие строчки инструкций на болгарском, немецком и казахском языках, когда он очутился в комнате. Роза все так же нежилась на деревянном полу. А Серега собирался смотреть по телеку долгожданный матч нашей сборной против немцев. На экране, под динамичный видеоряд, на котором мчался красивый автомобиль, увесистый голос объявил: «Официальный спонсор показа матча Россия-Германия – немецкий автоконцерн Фольксваген. С Россией всей душой! DAS AUTO!!!»

– Боже мой, неужели продуют? – нервно проговорил Серега. Он был ярым болельщиком и очень переживал. Тут же по телевизору объявили, что матч состоится сегодня вечером, а сейчас предлагаются предматчевые комментарии специалистов. Сопоставив шансы команд, расстановку, мастерство игроков, спортивные обозреватели пришли к выводу, что у наших явное преимущество. И аргумент был серьезный. Наш главный тренер Хидинк – везунчик. На другое надежд не было.

– Ему должно сегодня повезти, – заключил в итоге ведущий, и канал ушел на рекламу.

– Интересно, – задумчиво промямлил Серега. Повезти должно не одиннадцати нашим игрокам, а одному голландскому тренеру, чтобы что-то выиграть.

– Бери глубже, – развалившись на койке, вставил Ники-

та, – удачи желают не 140 миллионам россиян, а одному человеку. Вам не кажется, что нам так даже легче? Даже удачу мы сваливаем на другого. Вроде как, если не выиграем, скажем: «Хидинку не повезло!»

– Боже мой, как болит голова, – со страдальческим лицом проскрипел Пальцев. Он подошел к холодильнику и достал оттуда айран.

– А ты знаешь, что айран – это чисто английское пойло? – спросил его Никита.

– Нет.

– Вот дурында, – возмутилась Роза. – Это кавказский или азиатский напиток.

– А вот и нет. Вы английский хоть немного знаете? А ведь нам сдавать в этом семестре. Айран – это английское словосочетание. I RUN – я бегу! Чисто кельтское зелье.

Сергея присвистнул:

– Ну и ну! Не знал, что виски и айран придумали одни и те же люди. Вот ведь одаренный народ.

– Слушай, не дури нам голову с утра, – умоляюще простонала Роза. – Что у нас там сегодня первое?

– Фотодело – ответил Никита. – Нужно сдать домашнюю работу. Вы, надеюсь, сделали сюжетные фотографии?

– Еще бы! Фотография – это мой конек, – похвастался Сергей.

– Блин, а я даже не умею фотоаппаратом пользоваться, – расстроено сказала Роза. – Поделишься, Сережа, со мной

фотками?

– Конечно. Вот, возьми, – он протянул Розе конверт с фотокарточками. – У меня как раз этот сюжет в мою композицию не вписывается немного.

– А что у тебя за композиция? – спросила Роза.

– О жизни животных в заножском магазине «Природа», – с гордостью объявил Сергей.

– Захватывающе! – улыбнулась в сторону Роза и сунула конверт в сумку.

Они быстро собрались и дружной компанией отправились в университет.

Фотодело

Тротуар был вымощен крупными плитами. Я шел, стараюсь не наступать на стыки. Если я наступлю на полоску, то никогда не разбогатею. Сегодня это было мое правило. Герморрой, который я придумал себе по пути в институт.

У главного входа я встретил своих однокурсников. Когда мы появились в аудитории, у стола преподавателя уже толпились студенты. Они показывали свои шедевры, и каждый пытался что-то комментировать.

– Так, ну-ка, все сели, – объявил, в конце концов, преподаватель. – Берем конвертики, которые я просил вас подготовить, кладем туда фотографии, подписываем и по одному мне сдаем.

Все так и сделали. После чего кучерявый педагог, со съехавшими на самый кончик носа очками, стал рассматривать содержание каждого конверта. Многим он ставил зачеты, не проронив не слова. Другим задавал вопросы.

– Скажите, – задумчиво спросил он, разглядывая очередную фотографию, – что здесь изображено? Что-то я не совсем понимаю.

Он поднял вверх фотоизображение, на котором все увидели два коричневых пятна на фоне зеленой травы.

– Это летучие мышки, – отозвалась студентка. – Я спелео-

лог. Мы нашли их в пещере.

– Да? – его глаза выплыли из-под очков. – А мне показалось, что это два каких-то зажаренных цыпленка.

– Вы, наверное, просто кушать хотите, – застенчиво попыталась оправдаться девушка.

– Я позавтракал.

– Надеюсь, ваш завтрак не был похож на то, что я изобразила.

– Разумеется, нет. Я ел овсяную кашу. Да, Господи! Почему я оправдываюсь перед вами? У вас есть что-нибудь еще? – вскипев, спросил преподаватель.

– Нет.

– Хорошо, давайте зачетку. В следующий раз, сделайте милость, снимите более разборчивый сюжет.

Он расписался в синей книжице и взял следующий конверт.

– Та-а-а-к, а это у нас что? Степанова Роза. Есть такая?

– Есть! – пропищала Роза. – Это я.

– Любопытно, – нахмурил брови педагог. – Мужики в бане, это очень интересный ход с вашей стороны.

– Что? – Роза угрожающе посмотрела на Серегу. Тот пожал в ответ плечами.

– Это... это мой папа и его друзья, – попыталась выкрутиться она.

– Да? – поднял от удивления брови преподаватель. И кто же из этих юных парней ваш папа? Он развернул фотокар-

точку. На ней в обнимку сидели четыре молодых заножских пацана. Их наготу лишь частично скрывал обильный пар. Все они были красные и довольные.

– Тот, что посередине, – дрожащим голосом проговорила Роза. – В молодости. То есть в юности. В общем, я, когда маленькая была, фотографировала.

– И сколько вам было лет?

– Пять!

– А сейчас?

– Двадцать один.

– Ну что ж. Учитывая, что это было шестнадцать лет назад, и вы, вероятно, еще были не опытной, я прощаю вам эффект красных глаз. Оригинальность идеи и смелость композиционного решения тоже оценены. А вот за отмазку, пожалуй, тройка. Хотя тоже оригинально. В целом, вы прошли это испытание. Я ставлю вам зачет.

– Фух, – вздохнула Роза и села. После чего повернулась к Сергею и, показывая, что ему крышка, провела большим пальцем по горлу. Серега опять развел руками.

– Теперь я понимаю, – в полголоса процедила Роза, – почему эти фото немного не вписывались в твою композицию о магазине «природа»!

В отличие от своих товарищей, я и Максим этот зачет сдали без эксцессов. Впрочем, как и вся остальная группа. В этот день фотододело было единственным предметом, и мы решили прогуляться в кино. Наша компания вышла на улицу и

продвинулась в сторону остановки. В трамвае к нам подошел кондуктор-студент азиатской внешности. Мы ему заплатили, и он важно сел на свое кондукторское кресло.

– Посмотри на него, – сказал Никита шепотом Сереге, указывая взглядом в сторону контроллера. – Это монгол. Монгольский студент.

– Монгол? – удивленно посмотрел на кондуктора Серега.

– Да, монгол. Он до сих пор думает, что собирает с русских дань.

– Во дает! И что за народ такой, эти монголы? – совершенно расстроившись, сказал Серега.

– А ты что, не помнишь про татаро-монгольское хамство? – продолжал Никита.

– Хамство? Или ханство? Э-э-э, по-моему, ты здесь что-то путаешь.

– Хамство, хамство. Это они принесли нам хамство. С тех пор Русь и заразилась этим недугом. Ведь посмотри: везде одно хамство. На почте, в магазине, не говоря уже о жилконторах.

– Да-а-а, – грустно вздохнул, словно проигрывая все ситуации, где сталкивался с хамством, Серега. – ЖЭК, тот вообще страшная вещь! – добавил он.

– Да! ЖЭК-потрошитель! – нахмурил брови Никита.

Я представил заножский ЖЭК, и мне тоже стало страшно.

К этому моменту наш трамвай остановился на светофоре. Прямо на перекрестке, между ожидающих зеленого света

машин, на инвалидном кресле юркал безногий калека. Шаря своим единственным глазом, он подъезжал к автомобилям с открытыми окнами и просил милостыню. У него также не было почти всех пальцев на руке и пол-уха. Я сразу узнал его. Он всегда здесь торчал. Это было его постоянное рабочее место. Здесь его можно было увидеть в любой божий день, кроме воскресенья. Видимо это был выходной или отчетный день перед своими уличными боссами. Картину калека являл жуткую, но люди, постоянно ездившие этим маршрутом, уже привыкли. Чего нельзя было сказать про моих спутников. Они с ужасом рассматривали несчастного и бросали на меня вопросительные взгляды.

– Он здесь уже давно работает, – махнул я в сторону несчастного.

Машины тронулись, и калека, как опытный эквилибрист, стал играючи уворачиваться от полетевших авто. Виртуозно управляя своей коляской, он легко выбрался из бешеного потока автострады и припарковался на обочине.

– Как он только остается цел? – удивленно спросила Роза. – Машины просто летят в миллиметрах от него.

– Цел? – вскрикнул Никита, – Ты издеваешься?

– Ну, почти – виновато проговорила Роза.

– Вообще-то, когда он здесь начинал, у него не было только мизинца! – пошутил я.

– Дурак, – не одобрила мою циничность Роза и стукнула меня по руке.

Примерно через 40 минут мы были уже в кинотеатре. Из обильного списка пестрящих постеров мы единодушно выбрали фильм ужасов. Все были согласны, что перед ужасами очередной сессии нужна была встряска.

Начинались ужастики как обычно. Спокойно и размеренно. Серега, не отвлекаясь от экрана, снял свои ботинки и затолкал их ногами под кресло. Затем воспользовался романтической заминкой в фильме и смачно высморкался. Ужасное началось минут через двадцать. Это было что-то! Крови режиссеры не пожалели. Не пожалели они и избитых приемов. Картина была просто утыкана голливудскими штампами. Когда герой в ванной закрывает зеркальную дверцу подвесного ящичка, в отражении неожиданно появляется призрак. Жертва не может дотянуться до ножниц в момент, когда её душит маньяк. Человек, которого хотят убить, бежит, спотыкается, падает и почему не встает, а начинает ползти, как будто сломал обе ноги. Но потом опять вскакивает и еще километров пять бежит как угорелый. Но все это, тем не менее, нагоняло страх на находящихся в зале зрителей. Впередисидящая девушка вообще просидела весь сеанс под курткой. Другие, в самые пугающие фрагменты, просто смеялись как сумасшедшие. Это такая реакция у некоторых людей на страх. Кончилось все хорошо. Наши победили. Но в самом конце рука мертвого чудовища неожиданно пошевелилась. Этот штамп и завершил очередной американский кровавый хоррор.

На конечных титрах зрители двинули к выходу. Качаясь в толпе как зомби, просочились наружу и мы. После темного зала яркие люстры заставили всех щуриться. Все стали похожи на китайцев.

– Фильм тупой, но, блин, с претензией! – рецензировал увиденное Серёга.

– А мне было страшно, – призналась Роза.

– А я бы концовку переписал, – сказал Никита.

Я посмотрел на Максима. Как и весь день, он молчал. В его глазах только прибавилось немного ужаса. По всей вероятности, в его голове еще крутились яркие эпизоды фильма.

– Что молчишь, Макс? – спросил его Серега.

– Мне очень жаль Мэри, – ответил поникшим голосом Максим.

– Кого? – спросил Никитос. – Какую еще Мэри? – рассмеялся он.

– Подружку главной героини, которой ампутировали голову, – зло посмотрел на нас Максим.

– Не ампутировали, а бессовестным образом оторвали, – возмутился Никита. – Разве голову можно ампутировать?

– Да ладно. Не бери в голову, дружище, – сказал я, – у этой Мэри на самом деле все в порядке. Это молодая актриса. У неё все впереди. А недавно у неё родилась дочка от второго брака с Джонни Кэшем. Сам читал недавно в журнале «Все об актерах из фильмов ужасов».

– Что-то не слышала о таком журнале, – задумчиво про-

бормотала Роза.

– Ладно, ладно, проехали, – сказал Макс, придя в себя.

Мы вышли на улицу. Серега вспомнил, что домашние наказали ему посмотреть в Питере мобильные телефоны, и мы двинулись в ближайший салон связи. Там нас встретил назойливый менеджер.

– Вам что-нибудь подсказать? – спросил человек в бесформенной брендовой рубашке.

– Нет, спасибо, мы сами, – ответил вежливо я.

– Чего ему надо? – тихо поинтересовался Серега.

– Это менеджер. Он хочет впарить нам телефон, – отозвался Никита.

– А, менеджер. В Занogaх тоже есть менеджеры. Они гоняют тех, кто пришел погреться в магазин с морозу.

Я засмеялся.

– Видимо, у вас там менеджерские полномочия гораздо шире, – сказал я. – А что тебе за телефон нужен?

– Айфон. Мы с женой решили купить нормальный мобильник.

– Нормальный!?! – возмутился Никита. – Не плохо!!! Возьми тогда сразу вот этот, с бриллиантовыми вставками. Вполне нормальная труба!

– Ты не подумай! Я не богач какой-то. Мы полгода копили. Надо же солидно выглядеть.

– Небось, на хлебе и воде сидели, – усмехнулся Никита. – Животных хоть домашних кормили?

– Каких еще животных?

– Своих!

– А, своих! Конечно.

– Слушай, Сережа, – вмешалась Роза, – зачем тебе айфон, когда у тебя ботинки дырявые?

Весь магазин умолк и покосился на помятые, уставшие ботинки Сереги. Он стыдливо скосолапил ноги и глупо улыбнулся.

– И правда, никакой айфон тебе не поможет выглядеть солидно, – отметил Никита. – Купи лучше себе обувь нормальную. Что за народ у нас такой?! Может ходить в рванье, но с толстой золотой цепью на шее. Солидно, типа!!! Пашет, пашет день и ночь, зато в конце месяца может один раз шикануть в дорогом ресторане. А потом опять в шахту или к станку. Тьфу!

– Ну, ладно, ладно! – попытался я успокоить Никиту. – Пусть делает, что хочет.

– Эх, – отчаянно махнул Никита, и мы вышли из салона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.